

С.О. ШМИДТ

После
75

Работы 1997–2001 годов

Москва
2012

Московское детство Пушкина

У истоков творчества Пушкина – московское детство, Москва и Подмосковье. Между тем распространено представление, будто Пушкин, когда «хотел оглянуться на начало жизни», «неизменно вспоминал только Лицей – детство он вычеркнул из жизни. Он был человек без детства». Эта цитата из много раз переиздававшейся книги 1980 г. выдающегося нашего культуролога-литературоведа Юрия Михайловича Лотмана «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя (пособие для учащихся)»¹. Эффектная формулировка излишне категорична. Суждение это осталось и недостаточно обоснованным, хотя оно не соответствует тем знаниям, которые можно было почерпнуть из первых биографий Пушкина, написанных еще младшими его современниками П.В. Анненковым^{1*} и П.И. Бартеневым и уже тогда из наблюдений пушкиноведов последующих десятилетий об отражении детских, следовательно московских (или подмосковных), впечатлений в творчестве Пушкина.

Из «новой яркой биографии поэта» «вдруг выяснилось, что про целую треть жизни Пушкина почти нечего сказать. Всех раззадорил Ю.М. Лотман» – так объясняет свое побуждение к изысканиям о московском детстве Пушкина В.Д. Берестов. Это мнение Лотмана оспаривает и Н.Н. Скатов в главе «Детство» книги «Пушкин. Русский гений», вышедшей в 1987 г. Статьи

Впервые опубли.: Юность. 2001. № 12. С. 50–59. В основе статьи доклад «Московское детство Пушкина» на научной конференции «На пороге третьего тысячелетия. Пушкин: русский гений и духовные ценности человека», организованной 27 января 1999 г. в Актовом зале старого здания Московского университета Московским государственным университетом, Московской патриархией и Институтом мировой литературы Российской академии наук. Автор не имел возможности использовать данные, появившиеся в печати после завершения этой статьи. Среди работ этой тематики особенный интерес представляют: сборник статей «“Мое Захарово...”: Захаровский контекст в творчестве А.С. Пушкина» (М., 1999) и статья В.С. Листова «На тихих берегах Москвы...» в его книге «Новое о Пушкине: история, литература, зодчество и другие искусства в творчестве поэта» (М., 2000. С. 14–23).

^{1*} П.В. Анненков отметил: «Мы встречаемся еще в детстве Пушкина с предметами, которые впоследствии будут оживлены его гением»².

Берестова были объединены в издании, рассчитанном на массового читателя, – в книжечке «Ранняя любовь Пушкина» библиотеки «Огонек» (№ 32 за 1989 г.)^{2*}. Подход автора к теме особо интересен и своеобразен тем, что Валентин Дмитриевич выступает и как ученый-историк, и в то же время как поэт, имеющий личный опыт познания источников творческого воздействия и характерных черт творческой памяти при обращении к впечатлениям детства, к тому же поэт, много писавший для детей, следовательно, ощущающий и особенности детского восприятия.

Действительно, Пушкин как писатель (а книга Лотмана имеет четко определяющий ее направленность подзаголовок «Биография писателя») состоялся лишь в лицейские годы. Тогда только его и стали воспринимать как поэта: он обрел аудиторию и был принят как свой в среде литераторов (в литературно-общественном объединении «Арзамасское братство» получает прозвище «Сверчок»). Именно тогда завязываются уже личные (а не по знакомству дяди и отца) близкие отношения с лицами мира литературы (с некоторыми – с Жуковским, Вяземским – на всю жизнь). Именно в лицейские годы закрепились и основы присущей Пушкину замечательной образованности и энциклопедической широты интересов, и убеждение в значении «дружества» (в XX уже столетии пленительный французский аристократ, и по душевному облику, и по фамильному происхождению, Сент-Экзюпери назовет его «роскошью человеческого общения»).

Соображения о начале писательского пути Пушкина именно в Лицее опираются на тексты и самого Пушкина – не только поэтические (в обращениях к лицеистам, даже в «Евгении Онегине»: «в садах Лицея... являться Муза стала мне»), но и прозаические. В 1830 г. в не завершенном и не опубликованном при жизни «Опровержении на критики» он писал и о своей «16-летней авторской жизни», о том, что начал «писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени». И авторитетнейший знаток и биографии, и текстов Пушкина Б.В. Томашевский, отмечая, что уже в стихах 1813 г. «чувствуется уверенность поэта, овладевшего техникой стихотворной речи», приходит к выводу: «По-видимому, именно написанное в возрасте 13 лет явилось чем-то поворотным, значительным, решившим судьбу поэта. Все же, что написано до

^{2*} По книге В. Берестова «Ранняя любовь Пушкина» (М., 1989) подготовлена была посмертно статья «Детство. 1799–1811» для книги 1999 г. «Пушкин и Москва» (С. 91–106).

1813 г., в глазах Пушкина было лишено всякого значения». «Можно заключить, что действительно колыбелью юной поэзии Пушкина был Лицей. Об этом неоднократно говорил Пушкин в своих стихах, и это, по-видимому, не поэтический вымысел, а исторический факт. Именно Лицей в какой-то мере стимулировал литературные занятия Пушкина»³.

Но литературные занятия могли стать постоянными и столь результативными только тогда, когда образовался достаточный для этого запас жизненных впечатлений и знаний. А процесс накопления происходил, конечно, не только со времени поступления Пушкина в Лицей.

Следует не упускать из виду и то, что Пушкин создавал (это отмечено уже и пушкинистами) несколько идеализированный облик Лицея, уподобляя его античному прообразу. И тем самым светлые лицейские годы («луч лицейских ясных дней» – слова послания И.И. Пущину) как бы противопоставались остальному и во времени (т. е. другим временам жизни поэта – и предыдущим, и последующим), и в пространстве даже («...нам целый мир чужбина, / Отечество нам Царское Село» – в стихотворении «19 октября»).

Еще существеннее то, что при изучении биографии важны не только самооценка и вообще оценка какого-либо момента или периода жизни, его положительного (так же как и отрицательного) заряда, а прежде всего степень запечатления, воздействия (зачастую и невольного) на душу и разум. Особенно в детстве, когда возникают первичные представления о добре и зле, о долге и зависимости от внешних обстоятельств (хотя обычно пока еще в ощущении, а не в осмыслении), когда формируются привычки и вкусы, репертуар наиболее привлекательных и доступных знаний и занятий.

Сейчас считается общепризнанным, что все мы «вышли из детства», что именно в ранние детские, младенческие годы закладываются основы и характера человека, и его отношения к людям и к окружающему миру, направленность его интересов, проявляются ощутимые задатки наклонностей и способностей. Глубокий знаток детской психологии и один из крупнейших современных педагогов, Ш. Амонашвили, уверен в том, что «величайшая эпоха в жизни ребенка» совершается до трехлетнего возраста, и это эпоха и нравственного возрастания. А в шесть лет «уже складываются образы, определяются вкусы», время кажется растянутым для ребенка, он устремлен в будущее.

Мы все, особенно люди почтенного возраста, можем по собственному жизненному опыту и при общении с близкими нам людьми убедиться в том, как надолго закрепляются в сознании нашем, в зрительной памяти, в памяти сердца впечатления первых 10–12-ти лет жизни: события, и лица, и ландшафты, и сказанное нам (или нами), и прочувствованное тогда (радости и обиды), и приметы повседневности, хотя это, как правило, явления не масштабного характера, и в оценке их теперь руководствуемся уже и последующим жизненным опытом – опытом увиденного, узнанного позднее. И нередко зароненное в душу в детские годы, запомнившееся десятилетия назад (слова, даты, обозначения на карте и тому подобное) всплывает через много лет в сознании и при совсем иных обстоятельствах. И конечно, для Пушкина, такого впечатлительного и памятливого, столь безмерно богатого мыслительными и зрительными ассоциациями, воспринятое в детстве не могло не играть формообразующую роль и человеческого характера, и литературного творчества. В творчестве классиков российской словесности немало следов отражения еще детских ощущений – примерно в те же годы у Лермонтова. Ограничимся произведениями тех, кто писал о московском детстве, а это Герцен и Огарев, Островский и Салтыков-Щедрин, Достоевский и Л. Толстой, Шмелев и Андрей Белый, Пастернак и Цветаева, ближе к нам Окуджава... Неужели Пушкин был обойден в этом?!

Пушкин утверждал: «Воспоминание – самая сильная способность души нашей»⁴. Пушкин уже «под старость молодости» (как он определял) был убежден, что душа живет воспоминаниями, а воспитание дается человеку «обстоятельствами его жизни и им самим – другого воспитания нет для существа, одаренного душою» (из письма А.А. Дельвигу, март 1821 г.)⁵. И, думается, осознавал огромное значение для становления личности детских впечатлений и воспитания в детстве. Такое осознание и в системе ментальности людей его круга, и в дорогих ему традициях русской литературы. Пожалуй, отчетливее всего это выражено в незавершенном произведении Н.М. Карамзина «Рыцарь нашего времени». В этой автобиографической повести Карамзин впервые в нашей литературе задумал рассказать историю своего сверстника, показать «связи вещей и случаев» в его биографии, роль чтения в «образовании ума и чувства». Там и запоминающаяся формулировка: «Первое воспитание едва ли не всегда решает судьбу и главные свойства человека». Из этого убеждения исходил и старший друг Пушкина и учитель в поэзии В.А. Жуковский, со-

гласившись стать наставником наследника российского престола и определяя для себя задачи своей деятельности⁶. Таким убеждением руководствовался и сам Пушкин, столь рано приступив к написанию «Воспоминаний» (текст которых затем уничтожил). Из набросков плана «Воспоминаний» ясно, что автор намерен был рассказать и о самых ранних впечатлениях: землетрясение в Москве произошло тогда, когда Пушкин был трехлетним (и тогда же это было отмечено Карамзиным).

О московском детстве, отражении его в сочинениях Пушкина писали и упомянутые ранее, и другие авторы трудов о Пушкине. Суммируя выявленные уже данные и добавив к ним дополнительные соображения (о чем и пойдет речь далее), допустимо утверждать, что ко времени лицейского поприща, когда всем стал очевиден замечательный поэтический дар Пушкина, он уже имел плодотворный для поэтического развития значительный запас жизненных наблюдений и отличался редкой в таком возрасте начитанностью и целеустремленностью мысли, воплощавшей все в литературные образы. Об этом можно судить на основании не только воспоминаний (отраженных на бумаге после кончины Пушкина, когда старались, быть может и невольно, усмотреть в его детских поступках и высказываниях предпосылки блистательного поэтического будущего), но и написанного самим Пушкиным, и прежде всего о Москве, москвичах, явлениях московского обихода. А также и ненаписанного Пушкиным – что не менее показательно!

У Пушкина нет описаний материнской любви, общения ребенка с матерью, детства в семейном кругу. Не встретим в стихах и упоминаний ни о матери, ни об отце. Случайно ли это? Думается, что нет. Пушкин не знал в детстве радости родительского очага. Родители его были в большей мере людьми публичной жизни, а не домашней, семейной, хотя и читали детям вслух, разыгрывали с ними театральные сцены, видимо, и шарады. К тому же мать имела вспыльчивый характер, не любила и не умела заниматься организацией домашнего обихода (это была сфера деятельности бабушки поэта по матери Марии Алексеевны, к которой мальчик был очень привязан). А Пушкину свойственны были традиционные понятия и об уюте семейной жизни, и о родственных обязанностях: он любил старшую сестру, почитал необходимым проявлять заботу о младшем, по существу непутевом брате; полагал обязательным жениться в срок, а женившись, достойно выполнять обязанности главы семьи соответственно общепринятым понятиям и защищать семейную честь (что и привело его к роковому концу).

И сколько грусти и мудрости не по годам уже в письме Пушкина к брату 1820 г. о пребывании с семьей генерала Н.Н. Раевского на Кавказе и в Крыму: «...жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался»⁷. Тригорская приятельница Пушкина Н.Е. Вревская, вспоминая, как Пушкин ухаживал за умирающей матерью, пишет, что он «жаловался на судьбу», давшую ему лишь «такое короткое время пользоваться нежностью материнской, которой до того не знал»⁸.

Вероятно (это отметил еще П.В. Анненков), мать и любила будущего поэта меньше, чем других своих детей (видимо, в отличие от него, и более легких в общении, более понятных в своем поведении). Это отражено в воспоминаниях о стародворянской Москве Е.П. Яньковой – в знаменитых «Рассказах бабушки», записанных ее внуком Д.Д. Благово в 1850-х годах. Янькова была в дальнем родстве с Пушкиными (бабушка поэта Марья Алексеевна Ганнибал приходилась внучатой племянницей сестры ее мужа), они «между собой родством считались», были «знакомы», т. е. ездили друг к другу и «видались еще у Грибоедовых» (тоже дальних родственников Яньковой).

Старуха Янькова рассказывала: «В 1837 г., когда в феврале месяце пришло в Москву известие о печальной кончине славного сочинителя Пушкина, я тут припомнила о моем знакомстве с его бабушкой и со всею его семьею». Пушкины жили «в 1809 или 1810 г.» у Елохова моста^{3*}, «нанимали там просторный и поместительный дом», кажется, у Бутурлиных. Янькова туда ездила с дочерьми «на танцевальные уроки, которые они брали с Пушкиной девочкой (т. е. Ольгой, сестрой поэта. – С. III.), с Грибоедовой (сестрой того, что в Персии потом убили)».

«Пушкины жили весело и открыто, и всем домом заведовала больше старуха Ганнибал, очень умная, дельная и рассудительная женщина; она умела вести дом как следует, и она также больше занималась и детьми: принимала к ним мамзелей и учителей и сама учила. Старший внук ее Саша был большой увалень и дикарь, кудрявый мальчик лет девяти или десяти, со смуглым личиком, не скажу, чтобы слишком приглядным, но с очень живыми глазами, из которых искры так и сыпались.

^{3*} Мемуаристка либо неточно указала место жительства семьи Пушкина, либо это временное место жительства, не выявленное собиравшими сведения об адресах семьи Пушкиных, отраженных в делопроизводственной документации.

Иногда мы приедем, а он сидит в зале в углу, огорожен кругом стульями: что-нибудь накуролесил и за это оштрафован; а иногда и он с другими пустится в плясы, да так как очень он был неловок, то над ним кто-нибудь посмеется, вот он весь покраснеет, губу надует, уйдет в свой угол, и во весь вечер его со стула никто тогда не стащит: значит, его за живое задели, и он обиделся, сидит одинешенек. Не раз про него говаривала Марья Алексеевна: “Не знаю, матушка, что выйдет из моего старшего внука: мальчик умен и охотник до книжек, а учится плохо, редко когда урок свой сдаст порядком; то его не расшевелишь, не прогонишь играть с детьми, то вдруг так развернется и расходится, что его ничем не уймешь; из одной крайности в другую бросается, нет у него середины. Бог знает, чем все это кончится, ежели он не переменится”. Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком: “Ведь экой шалун ты какой, помяни мое слово, не сносить тебе своей головы”.

Не знаю, каков он был потом, но тогда глядел рохлей и замарашкой, и за это ему тоже доставалось. Мальчик Грибоедов, несколькими годами постарше его^{4*}, и другие их товарищи были всегда так чисто, хорошо одеты, а на этом всегда было что-то и неопрятно, и сидело нескладно⁹.

Воспоминания Яньковой очень информативны. Маленький Пушкин рос, очевидно, не совсем обычным ребенком и казался медленнее других развивавшимся и физически, и умственно, а затем неожиданно быстро изменившимся – в Лицее он сразу же выделился и живостью ума, и физической ловкостью. Не напоминает ли это известное нам о раннем детстве А. Эйнштейна: гениальный ученый долго не начинал говорить, а в возрасте уже четырех-пяти лет заговорил сразу фразами. Не показатель ли это особо интенсивного раннего развития творческих задатков (первоначально потому внешне и не проявляемых в общепринятых нормативах)?

«Рассказы бабушки» подтверждают выясняемое и по иным источникам (прежде всего воспоминаниям других лиц), и, главное, из сочинений самого Пушкина. В первой программе Записок, датированной предположительно 1830 г., в кратком перечне «впечатлений» московского детства упоминаются «Первые неприятности», «Мои неприятные воспоминания», «Нестерпимое состояние»¹⁰, но согревала мальчика любовь бабушки. Можно по-

^{4*} Грибоедов родился в 1795 г. (или, по другим сведениям, даже в 1790 г.).

лагать и то, что не только в память бабушки, но и с пожеланием быть похожей на нее первой дочери Пушкина дано имя Мария.

Становится очевидным то, что Пушкин с самых ранних лет имел общение и с детьми, и с взрослыми круга старомосковской аристократии, мог наблюдать и слышать разговоры лиц и окружения родителей, и поколения бабушки. Не забудем при этом, что круг знакомых Пушкиных – это московская аристократия именно той поры, которая отображена в романе Л.Н. Толстого «Война и мир», где действие начинается в 1805 г. (таким было и заглавие романа в первом издании его начальной части).

Н.К. Телетова, исследовавшая женские линии в генеалогическом древе Пушкина, верно отметила: «Известно, что детские годы Пушкина определялись влиянием бабушки Марии Алексеевны в большей мере, чем чьим-либо иным. Она ввела внука в круг своей многочисленной московской родни, как бы расширив стены дома Пушкиных до пределов старой русской столицы»¹¹. И вряд ли случайно то, что юный Пушкин сблизился в Лицее изначально с теми, кто возрос в московской знакомой уже ему среде. Видимо, имели значение и притягательность привычного обихода повседневного общения, и воспитание на схожих локальных впечатлениях. Показательно также и то, что именно москвич Михаил Яковлев стал «лицейским старостой», организовывал ежегодные праздники Лицея – это в традициях исконно московского гостеприимства и поддержания давних знакомств.

Возможно, что мальчика «возили по родственным обедам» (характеристику которых находим в седьмой главе «Евгения Онегина») и он сопровождал взрослых в дневных визитах: описание таких московских визитов с их бессодержательными разговорами и искусственностью поведения встречаем у Л.Н. Толстого (день рождения бабушки в «Детстве», «Натальин день» в доме Ростовых). Сходство тональности изображения и даже деталей в воспроизведении событий первого и четвертого десятилетий XIX в. позволяет думать, что, по мнению хорошо знавшего эту среду графа Толстого, за тридцать лет мало что изменилось в ритуале ее светского поведения, а также полагать, что в основе обоих описаний – врезавшиеся в сознание детские впечатления автора. Не возникло ли схожих ощущений и у мальчика Пушкина?

Безусловно, допускаясь присутствие мальчика в гостиной и в кабинете родительского дома в часы прихода гостей – там-то он (судя по воспоминаниям) и поражал взрослых рано проявившейся склонностью к стихосложению и скоростью запоминания

стихов, находчивостью остроумия, быстротой и непосредственностью реакции на слова и поведение других, своенравием.

Для познания мира первичного пушкинского восприятия важно учитывать и то, что в этой аристократической среде блюли традиции гостеприимства родственного общения (которое признавали – по мнению и коренных москвичей, и приезжих, и Герцена и Белинского – характерной чертой московских нравов): почитали фамильные связи, высоко ценили родословные (даже более чем недавно возникшие роскошества людей «в случае»), любили напоминать об «исторических анекдотах» отошедших царствований. Обедневшие Пушкины по знатному происхождению и по родственной близости продолжали оставаться вхожими и в дома более богатых аристократов, даже титулованных вельмож. Выросший в схожих условиях князь П.А. Вяземский неизменно подчеркивал, что Пушкин – «родовой москвич».

В такой среде воспитывались сызмальства интерес к деятельности предков, гордость семейными преданиями; закреплялись еще в младенчестве генеалогические предрассудки. Полагают, что уважительный интерес Пушкина к собственной родословной пробудила бабушка Мария Алексеевна, и потому-то в неоконченной поэме 1832–1833 гг. «Езерский» он намеренно пишет об умершей бабушке в настоящем времени: «люблю», а не «любил» («Люблю от бабушки московской / Я слушать толки о родне...»). Впрочем, это может быть и литературным приемом, да еще с автобиографическим намеком, – указание на интерес автора к рассказам умных и памятливых старух-аристократок о преданиях и обычаях старины (как раз незадолго до того Пушкин расспрашивал дочь знаменитой княгини Е.Р. Дашковой о дворцовом перевороте 1762 г.).

В родственных связях (а возможно, и в богатстве фамильных воспоминаний) бабушка не уступала знаменитой рассказчице о прошлом Яньковой. По отцу она из Пушкиных, возводивших род от сподвижника Александра Невского, родоначальника известных на рубеже XVIII и XIX вв. фамилий Мусиных-Пушкиных, Бобрищевых-Пушкиных, Бутурлиных, Мятлевых, Кологривовых, Каменских и других. Мать ее – урожденная Ржевская. В XVIII в. Ржевские были в приближении и у Петра Великого, и у Екатерины Великой. Супруг ее – сын «арапа Петра Великого». Пушкин мог рано усвоить мысль о причастности его предков к значительным историческим событиям и о том, что их хорошо знали государи (и цари, и императоры) и приближали и карали «род Пушкиных мятежный». С годами Пушкин все более дорожил «историческими»

заслугами своих предков, подлинным аристократизмом своего происхождения («бояр старинных я потомок»)»^{5*}.

Особенно существенно то, что родители поэта и их ближайшее окружение принадлежали к той сравнительно небольшой прослойке московской аристократии, которая отличалась не только «французской образованностью», но и тягой к литературно-художественным интересам. Дядя Василий Львович имел известность поэта, писавшего и на русском, и на французском языках, переводил на французский язык русские народные песни. Отец сочинял стихи на французском языке, мастерски читал французские драмы, особенно Мольера. В этом кругу изошрялись в каламбурах, эпиграммах, в искусстве рассказывать анекдоты. Общавшийся с семьей поэта дальний родственник камергер и генерал Алексей Михайлович Пушкин славился на всю Москву как актер-любитель – а это десятилетие особой моды на домашние театры, театрализованные шарады. В доме Пушкиных бывали литераторы – и самые знаменитые (Н.М. Карамзин, И.И. Дмитриев), и начинавшие путь в литературу (К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский и другие). Пушкин имел с малых лет возможность слушать стихи в авторском исполнении, запоминать их «с голоса»^{6*}. И к юному Пушкину относится наблюдение А.И. Герцена в связи с характеристикой роли Н.М. Карамзина в развитии русской литературы и исторической мысли: «То, что наши первые писатели были светскими людьми, является большим преимуществом рус-

^{5*} В 1825 г. Пушкин пишет другу А.А. Дельвигу из Михайловской ссылки об «избрании Романовых»: «Неблагодарные! Шесть Пушкиных подписали избирательную грамоту, а двое руку приложили за неумением писать! А я, грамотный потомок их, что я? где я?»¹². И в объяснительном письме А.Х. Бенкендорфу по поводу стихотворения «Моя родословная» 1831 г. не без вызова сформулировано: «Признаюсь, я дорожу тем, что называют предрассудками... я чрезвычайно дорожу именем моих предков, этим единственным наследством, доставшимся мне от них»¹³. И в 1834 г. в автобиографических записях с гордостью замечает: «Имя предков моих встречается поминутно в нашей истории, не раз упоминается в томах “Истории государства Российского” Н.М. Карамзина (двадцать один раз!)»¹⁴.

^{6*} Н.Н. Скатов справедливо заметил, что Пушкин с самого раннего возраста «питался личными впечатлениями от своих литературных предшественников – подобного дара детства потом уже не получит ни один из русских поэтов и писателей»¹⁵.

ской литературы. Они ввели в нее известное изящество, присущее хорошему тону, воздержанность в словах, благородство образов, отличающее беседу людей воспитанных. Грубость и вульгарность, встречающиеся порой в немецкой литературе, никогда не проникали в русскую книгу»¹⁶. Не тогда ли уже начало формироваться у Пушкина представление об «аристократизме» русской изящной словесности, о писателях-аристократах (отраженное в написанном им в конце 1820-х – начале 1830-х годов)?

В допожарное время улицы и переулки бывшей Немецкой слободы, где первоначально обитали Пушкины, были средоточием мест жительства московских литераторов и профессоров. Отец поэта вспоминал, как мальчик с особым вниманием вслушивался в беседу Карамзина. Пушкин еще мальчиком, видимо, не чувствовал особого стеснения в общении с известными людьми, т. е. и в таком обществе оставался самим собой.

Мог он рано осознать и то, как высоко ценится искусство слова и в письменной, и в устной речи: и остроумного живого разговора в многолюдстве гостиной, и беседы в тиши кабинета, и, конечно же, в стихотворном языке. Убедился и в том, сколь жаркой бывает полемика о литературном языке, стиле изложения: тогда уже разгорался спор шишковистов и карамзинистов; и поводом для поездки дяди в Петербург (когда он отвез в Лицей мальчика Пушкина) было как раз стихотворение Василия Львовича, созданное в пылу такой полемики. Думается, что замечание П.А. Вяземского в статье 1836 г., напечатанной в пушкинском журнале «Современник», о «спорах в гостиных», о том, что «в разговорах русских гораздо более ума, нежели в журнальных статьях», и «вообще ум наш природы изустной, а не письменной»¹⁷, восходит еще к московским детским впечатлениям и автора и Пушкина.

Имело значение и то, что среди гувернеров мальчика оказались склонные к стихотворчеству и рисованию, а эмигрант граф де Монфор был настоящим аристократом, поколение которого возросло в атмосфере элегантных салонов французского века Просвещения. В семье Пушкиных своим стал эмигрант, писатель и художник граф Ксавье де Местр (брат знаменитого тогда философа-политолога и политического деятеля Жозефа де Местра). Он читал там свои сочинения; сохранилось его работы изображение Надежды Осиповны.

Пушкин рано познал и радость чтения, познакомившись с литературой на французском языке – с сочинениями и французских авторов, и переводными (античные писатели, писатели Но-

вого времени). Быстро научился сам выбирать интересующую его книгу – безусловно, в библиотеке отца и, вероятно, в богатой новейшими парижскими изданиями библиотеке дяди; оказался допущенным и в знаменитую зарубежными раритетами библиотеку Д.П. Бутурлина, следовательно, мог и наблюдать (а быть может, уже и предвкушать?) ощущения библиофила. Книги с малых лет утвердились в жизни Пушкина. И не только как источник знания и наслаждения: он еще в Москве стал пробовать силы в сочинительстве (на французском языке) – и первоначально в сфере ассоциаций, воспринятых в книгах же.

Думается, что раннее усвоение богатств зарубежной литературы в какой-то мере предопределяло изначально компаративистский подход к отечественной литературе, которую он всегда рассматривал в сравнении с западноевропейской (и художественные произведения, и сочинения критиков) и как часть этой европейской литературы. Быть может, эта рано впитанная образованность в сфере зарубежной литературы и блистательное владение главным разговорным языком той эпохи делали общение с Пушкиным последующих десятилетий особенно привлекательным для иностранцев: Пушкин был и воспринимался человеком вершинной общеевропейской культуры (хотя никогда не выезжал за границы России)¹⁸.

Но Пушкин смог приобщиться рано и к иной культурной ориентации, и этому способствовали особенности его домашней жизни, даже ее неустроенность. Он душевно явно тяготел мальчиком к бабушке Марии Алексеевне и любимым им слугам – няне Арине Родионовне и ее зятю Никите Тимофеевичу Козлову, ставшему дядькой мальчика. А здесь господствовала русская стихия и разговорного языка, и общественно-исторических воззрений. Языком писем бабушки к внуку-лицеисту восхищался друг его и тоже поэт А.А. Дельвиг. Она же знакомила мальчика с семейными преданиями и, как и няня, с русским фольклором. Позже не раз воспетая Пушкиным в стихах Арина Родионовна, которую пристроила к детям, взамен умершей первой няни, высмотревшая ее в своих псковских владениях бабушка Мария Алексеевна, по словам сестры поэта, «мастерски говорила сказки, знала народные поверья и сыпала пословицами и поговорками». Никиту Козлова называли «доморощенным стихотворцем» за стихи на тему народных сказок¹⁹. Представление о помещичьей усадебной жизни в летние месяцы также связывалось у мальчика с народной культурой песен, хороводов, игр в бабушкином подмосковном Захарове.

Особенно существенно то, что освоение простонародного начала русского языка, приобщение к народной повседневной общности происходило в атмосфере сердечного тепла и заботливого внимания, а к этому всегда чувствительна детская душа. С бабушкой, с няней и дядькой мальчик чувствовал себя естественно, в их обществе ощущал себя свободным и счастливым. А «счастье, – как напишет он позднее, – есть лучший университет. Оно довершает воспитание души, способной к доброму и прекрасному»²⁰. В воспитании души (а для такой творческой натуры это всегда и воспитание культуры) Пушкин мальчиком прошел воистину народный университет.

Должно учитывать и то воздействие, которое мог оказать на мальчика и Александр Иванович Беликов, приглашенный преподавать Закон Божий, русский язык и арифметику. Этот московский священник был и церковным писателем. Раннее освоение правил российской грамматики обнаруживается в сочинениях юного поэта, отмечено это было и при поступлении Пушкина в Лицей. Можно полагать, что Беликов знакомил своего ученика не только с текстами Священного Писания, но и с образцами русской проповеднической литературы. А это ведь время, когда московским митрополитом был знаменитый оратор Платон (Левшин), прославившийся и сочинениями, написанными для детей и их обучения. Знакомство со словарем и стилистикой такого рода литературы заметно в поэтических произведениях еще юного Пушкина. Слова из Священного Писания обнаруживаем на всем протяжении творческого пути Пушкина.

Показательны оценки знаний Пушкина при поступлении в Лицей. На приемных экзаменах (12 августа 1811 г.) «в грамматическом познании языков: российского – очень хорошо, французского – хорошо». Запись директора в «Памятной книге Лицея» (23 августа): «Ветрен и легкомыслен, искусен во французском языке и рисовании, в арифметике ленится и отстаёт»²¹.

Таким образом, мальчик приобщался одновременно к культуре двух языков, усваивая своеобразие каждого из них и в звуковой форме, и в приемах словесного выражения мысли (и устно, и письменно), – это обогащало его понятия о речевых (и, конечно же, поэтических) возможностях.

В то же время, несмотря на очевидные различия и в речи, и в каждодневном обиходе «образованного» общества и простонародья, мальчик улавливал у них общее и в вере и ее обрядности, и в бытовой повседневности, и даже в разговорном языке (особен-

но у лиц бабушкиного круга). Толкователи сочинений Пушкина давно уже отметили, что в лицейских стихах «Сон» (1816) образ Музы передан в облике «мамушки», в котором слились и бабушка, и няня. Так формировалось понятие вообще о российской женщине, о народе православном, о «русской душе», что позднее выплеснется в запомнившиеся всем слова в «Евгений Онегине» – «Татьяна, русская душою...» (а затем, возможно не без влияния Пушкина, будет отображено в сцене русской пляски графинюшки Наташи в «Войне и мире»).

Взаимная любовь вызвала к жизни проникнутые сердечной теплотой образы няни и дядьки в литературных произведениях Пушкина, тем более что с ними он еще душевнее сблизился в последующие годы. А.П. Керн, наблюдавшая отношения Пушкина и Арины Родионовны в период ссылки поэта в Псковскую губернию, утверждала, что Пушкин «никого истинно не любил, кроме няни своей»²². Образа любящей матери нет ни в поэзии, ни в прозе Пушкина. Но особо выделена роль няни, «мамушки», в жизни его литературных героев – и Татьяны Лариной, и Дубровского (в «Дубровском» Егоровну тоже зовут Ориной), что, в свою очередь, могло оказать воздействие на молодого Л.Н. Толстого в изображении Саввишны в «Детстве». А прообразом верного и мудрого Савельича в «Капитанской дочке» признают Никиту Козлова, преданно любившего Пушкина, провожавшего его в последний путь, на кладбище Святогорского монастыря. К Пушкину рано пришло ощущение «простого величия простых людей», отмеченное Н.В. Гоголем как его характерная и привлекательная черта.

Дядьке Никите Козлову Пушкин в наибольшей степени обязан и основательным знакомством с Москвой и ее окрестностями, с уличным (особенно праздничным) обиходом москвичей. Мальчика, несомненно, водили гулять в Кремль. Он поднимался не раз на колокольню Ивана Великого, откуда можно было обозреть всю Москву (указания на это и у мемуаристов), бывал в храмах, монастырях, дворцах Кремля, в незадолго перед тем открывшемся музее в Оружейной палате. Знаком был с окраинами города, где располагались монастыри, взбирался на Воробьевы горы (а оттуда открывался запоминающийся вид на Кремль и Приарбатье). Недалеко от дома Пушкиных в последние годы его московского детства происходили Подновинские гулянья, привлекавшие и простонародье и господ. Это массовая народная культура в ее карнавальной форме.

Но, конечно, больше всего знаком был мальчик с соседними местностями. Пушкины в те годы не раз меняли места жительства. В составленной М.А. Цявловским «Летописи жизни и творчества А.С. Пушкина» указываются эти адреса. После кратковременного пребывания в Петербурге родители его с осени 1800 г. более чем на десять лет осели в Москве. Сначала это был район Чистых прудов и близ Красных Ворот: в конце 1801 – первой половине 1802 г. во владении князя Юсупова в Большом Харитоньевском переулке; в 1803 г. близ него, в 1803 г. тоже недалеко оттуда, в Малом Козловском переулке; в начале 1807 г. в Кривоарбатском переулке; с сентября 1807 г. на Поварской; с октября 1807 г. на Малой Бронной; с лета 1809 г. в Хлебном переулке; в конце года переезжают на Мясницкую улицу; летом недалеко оттуда в Рыбниковом переулке; с сентября 1810 г. в доме священника церкви Николая «что на курьих ножках». Это небольшой дом на углу Большой Молчановки и Борисоглебского переулка. Оттуда мальчик в июле 1811 г. выехал в Петербург²³. Следовательно, Пушкин имел возможность визуально наблюдать социокультурные особенности различных частей Москвы.

Мальчиком Пушкин лучше всего был знаком с местностями, где по преимуществу проживало дворянство, – бывшей Немецкой слободой с близлежащими переулками и улицами и с районом Приарбатъя. Именно в районе Приарбатъя происходит и действие в московских главах «Войны и мира»: помнивший московское детство Л.Н. Толстой там поселяет и графов Ростовых, и князей Болконских, и графов Безуховых. В этих местностях Москвы небольшие усадьбы соседствовали с дворцового типа зданиями, окруженными садами, с флигелями и подсобными строениями. Немногие из них уцелели (особенно после пожара 1812 г.), но о внешнем облике таких вельможных домов знаем по рисункам знаменитого тогда архитектора М.Ф. Казакова, по описаниям и самих россиян, и иностранцев. Офицер занявшей Москву наполеоновской армии Анри Бейль (ставший позднее прославленным французским писателем Стендалем) был поражен многочисленностью дворцовых палат («от шестисот до восьмисот дворцов, подобных которым не было ни одного в Париже»), их внутренним убранством («самое полное удобство соединялось здесь с блистательным изяществом»), богатством книжных собраний («отличные книги: Бюффон, Вольтер, который имеется здесь повсюду»). Особенно много было таких владений на пути от дома, где жили Пушкины на Молчановке, к Кремлю. Сначала

вызывало восхищение окруженное колоннами деревянное здание театра на Арбатской площади (там, где ныне стоит памятник Гоголю) – это первый по времени создания шедевр молодого тогда еще архитектора К. Росси. Затем на Знаменке и в ближних переулках «чертоги» графов Апраксиных (в этом здании первоначально жил Бейль; об Апраксиных как раз ведут светский разговор визитеры дома Ростовых в Натальин день в «Войне и мире»; дворец этот, «ныне сильно перестроенный, в основе здания Министерства обороны), графов Бестужевых-Рюминых, графов Воронцовых, князей Вяземских и др. Более всего, конечно, поражал воображение дом Пашкова – красивейшее здание Москвы, на холме напротив Кремля, сохранившееся и поныне великое творение архитектора Баженова. Тогда близ дома был сад с прудами и диковинными птицами, играли музыканты, вечерами горели огни. Упоминание о решетках сада, всегда облепленных любопытствующими мальчишками, в «Воспоминаниях старого москвича» П.А. Вяземского (князь был старше Пушкина на семь лет, и дом его отца был близко – в Колымажном переулке). Еще в раннем детстве могли произвести запомнившееся впечатление палаты вельмож и сады в бывшей Немецкой слободе: дворцы Юсуповых, Бутурлиных, Мусиных-Пушкиных, даже более скромный, но украшенный мифологическими скульптурами сад у дома гостеприимного И.И. Дмитриева, воспетый В.А. Жуковским (дом этот – ныне на его месте дом № 12 в Большом Козловском переулке – сгорел в 1812 г.). В пушкинской программе автобиографии читаем: «Первые впечатления. Юсупов сад...»

Величие Кремля, его башен, храмов и близких к Кремлю вельможных дворцов и парков особенно явственно чувствовалось рядом и при сравнении с небольшими особняками усадеб Приарбатя. Такое зрительное ощущение отражено в первом масштабном стихотворении Пушкина «Воспоминания в Царском Селе» (1814) – первом сочинении, подписанном полным именем «Александр Пушкин», опубликованном (как и более ранние) в московском журнале «Российский музеум» и принесшем ему первую улыбку славы:

Края Москвы, края родные,
Где на заре цветущих лет
Часы беспечности я тратил золотые,
Не зная горести и бед...
Где ты, краса Москвы стоглавой,
Родимой прелесть стороны?

Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь русскому твой зрак унылый страшен!
Исчезли здания вельможей и царей,
Все пламень истребил.
Венцы затмились башен,
Чертоги пали богачей.
И там, где роскошь обитала
В сенистых рощах и садах,
Где мирт благоухал и липа трепетала,
Там ныне угли, пепел, прах.
В часы безмолвные прекрасной, летней ночи
Веселье шумное туда не полетит,
Не блещут уж в огнях берега и светлы рощи:
Все мертво, все молчит.
Утешься, мать градов России,
Воззри на гибель Пришлеца...

В стихотворении этом ощущается воздействие воспринятого в период патриотического подъема месяцев Отечественной войны 1812 г., когда мысль Пушкина возвращалась к Москве, к ее исторической судьбе, авторитетных исторических и языковых символов, тиражированных в ту пору в стихах и в прозе. Но явственно чувствуются и живые впечатления очевидца, и утвердившееся в душе осознание «прелести» родимой стороны.

Необычайно развитая слуховая и зрительная память Пушкина-мальчика выявляется в полной мере в «Борисе Годунове». «Борис Годунов» – создание времени ссылки в Михайловское. Прошло уже 14 лет, как Пушкин покинул родной город. Но как ярко и точно изображена Москва, с каким знанием ее внешнего облика и быта! И так воспринята была драма и знатоками прошлого Москвы (первыми слушателями ее чтения в Москве осенью 1826 г.). Такое детальное знание Москвы, памятников ее старины Пушкин почерпнул не из «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина, бывшей основным источником сведений поэта об изображаемых им событиях (о чем он и сам писал не раз). Усвоенное в книгах «Истории» Карамзина, и в основном тексте, и в примечаниях, наложилось на детское еще восприятие Москвы²⁴ и подмосковных Вязем. Пушкин мальчиком с верным дядькой своим Никитой видел и Новодевичий монастырь, не раз бывал в Кремле, на Красной площади.

А желание узнать побольше о Борисе Годунове и событиях Смутного времени могло зародиться еще в подмосковном Захарове: там не было своей церкви, и к обедне ездили в соседнее село Большие Вяземы, где Борисом Годуновым был построен монументальный двухъярусный храм, поныне особо упоминаемый в трудах по истории древнерусского искусства. Митрополит Платон в путевых записках 1804 г. отмечает, что «снаружи и во внутренностях ее вся древность соблюдена», даже в росписях «ничего не переменено из древнего». Указывает он и на то, что сохранялись вырезанные острым оружием слова, написанные по-польски, «имена польских панов», изображенные «цифирью» даты. Следовательно, мальчик получал уже тогда повторяющееся впечатление о храме начала XVII в. В пушкиноведческой литературе уже высказывалось предположение, что мог он слышать и предания о прудах, вырытых при Годунове, «воинских потехах» Лжедмитрия, о том, что именно там на пути были селения, названия которых повторяет в драме.

Близко и долго знавший Пушкина П.А. Вяземский, глубокий знаток московской жизни, утверждал: «Пушкин был... родовой москвич. Нет сомнения, что первым зародышем дарования своего... он обязан был окружающей его атмосфере, благоприятно проникнутой тогдашней московской жизнью...»²⁵

В Лицей Пушкин приехал с немалым запасом разнообразных впечатлений – и визуальных, и от личного общения, и с почерпнутым из книг творческим заделом. Пущин, едва ли не самый близкий Пушкину из лицеистов («мой первый друг, мой друг бесценный», – обращался к нему поэт!), много размышлявший над феноменом «Пушкин» и к тому же один из самых лучших по образованности и успеваемости его соучеников, вспоминал: «Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слышали, все, что читал, помнил...» – и объяснял: «Обстановка Пушкина в отцовском доме и у дяди, в кругу литераторов, помимо природных его дарований, ускорила его образование...»²⁶ «Поэзия бывает исключительно страстию немногих родившихся поэтами: она объемлет и поглощает все наблюдения, все усилия, все впечатления их жизни...»²⁷ Это пушкинское наблюдение, конечно же, относится и к нему самому в первую очередь, к его жизненным впечатлениям, а следовательно, и к детским в Москве и Подмосковье, когда начиналось формирование человека, Личности.

Таким образом, отнюдь не занижая значение Лицея в самоутверждении Пушкина как поэта, можно полагать, что и доли-

цейские ощущения – прочувствованное, увиденное, услышанное, вычитанное – стали одним из источников формирования и развития его дивного поэтического дара, обогащения его впечатлениями, находившими отражение и воплощение в творчестве. Зарожденное в душу, задержавшееся в памяти в детские годы всплывало подчас позднее, при совсем иных обстоятельствах.

И Пушкин сам это сознавал. Воспоминания о Москве, о пережитом в Москве сопутствовали ему, его творчеству и позднее и выражены в его стихах – в стихотворении «Сон» (1816): «детских лет люблю воспоминание», и в «Евгении Онегине» в XXXVI строфе седьмой, «московской», главы окончательный вариант:

Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!

Варианты: «Москва! Как я любил тебя / Святая Родина моя»; «Москва! Как помнил я тебя...»; «Москва! Как жаждал я тебя»²⁸.

Пушкин – москвич по рождению, первичному воспитанию, даже общественно-историческим воззрениям. В его творчестве, особенно 1830-х годов, ощутимо результативное совмещение московских и петербургских историко-культурных традиций (как ранее у Карамзина, Жуковского, братьев Тургеневых). Пушкин – составная часть культуры Москвы. И в последующие годы тоже. Даже во внешних проявлениях: первый памятник Пушкину воздвигнут в Москве. И Пушкинский праздник 1880 г. – первый всероссийский праздник литературы²⁹. А ныне памятник Пушкину работы Опекушина стал таким же символом Москвы, как и Кремль.

¹ *Лотман Ю.М.* Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя (пособие для учащихся). М., 1980. С. 13.

² *Анненков П.В.* Материалы для биографии А.С. Пушкина. М., 1985. Кн. 1. С. 5.

³ *Томашевский Б.В.* Пушкин. Кн. I. М.; Л., 1956.

⁴ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1979. Т. VI. С. 431.

⁵ Там же. Т. X. С. 23.

⁶ См. об этом: *Шмидт С.О.* Василий Андреевич Жуковский – великий русский педагог. М., 2000 (Переиздание отдельной книжкой статьи: Подвиг наставничества. В.А. Жуковский – наставник Наследника русского престола // Русское подвижничество. [Сб. статей к 90-летию академика Д.С. Лихачева]. М., 1996. С. 187–221).

⁷ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. X. С. 18.

⁸ *Вересаев В.* Спутники Пушкина. М., 1937. Т. 1. С. 15.

⁹ *Янькова Е.П.* Рассказы бабушки (из воспоминаний пяти поколений), записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1988.

¹⁰ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. VIII. С. 54.

¹¹ *Телетова Н.К.* Забытые родственные связи А.С. Пушкина. Л., 1981. С. 13.

¹² *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. X. С. 117.

¹³ Там же. С. 303, 663.

¹⁴ Там же. Т. VIII. С. 56, 376.

¹⁵ *Скатов Н.Н.* Пушкин. Русский гений. М., 1999. С. 27.

¹⁶ *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1956. Т. 7. С. 191.

¹⁷ Современник, литературный журнал, издаваемый Александром Пушкиным. М., 1987. Т. 2. С. 289. (Факсимильное издание 1836 г.)

¹⁸ Об этом: *Шмидт С.О.* Русские литераторы и российская дипломатия // Международная жизнь. 1992. № 11. С. 115–117.

¹⁹ *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. 2-е изд. П., 1989. С. 1989, 524.

²⁰ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. X. С. 363.

²¹ *Цяеловский М.А.* Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина. 1799–1826. 2-е изд. Л., 1991. С. 40–41.

²² *Черейский Л.А.* Указ. соч. С. 524.

²³ *Цяеловский М.А.* Указ. соч.; *Алексеев Е.В., Тюрикова И.К.* Москвич Пушкин: Словарь-справочник. М., 1999. С. 4.

²⁴ *Листов В.С.* Москва XVI–XVII веков в трагедии «Борис Годунов» // Пушкин и Москва. М., 1999. С. 294–301.

²⁵ *Вяземский П.А.* Стихотворения. Воспоминания. Записные книжки. М., 1988. С. 229.

²⁶ Пушкин в воспоминаниях современников. СПб., 1998. Т. I. С. 633.

²⁷ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. Т. VII. С. 21.

²⁸ *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. М., 1995. Т. 6. С. 449–450.

²⁹ См.: *Шмидт С.О.* Пушкин и Пушкинский праздник в Москве 1880 года // Пушкин и Москва. М., 1999. С. 330–374.